

Тверская, 13. - 2002. - 16 мая

ЧАРОВНИЦА

В доме у Кати ШАВРИНОЙ всегда уютно и хлебосольно.

Видимо, поэтому к ней стремятся друзья и близкие, коллеги и просто случайные знакомые. В ее московской квартире на Спиридоновке почти всегда праздничная суэта и гвалт. Ведь помимо того, что Катя

артистка, она еще смешливая рассказчица, заводит и любительница посудачить.

Но не злая, а добрая. Просто ей незачем никому завидовать - у нее есть звонкое имя и народная любовь, большая дружная семья и неиссякаемый запас энергии. Хотя поначалу судьба ее отнюдь не баловала.

- Я ведь родилась глухонемой, до четырех лет ничего не слышала, а родители поздно поняли, в чем дело, - вспоминает певица. - У меня было воспаление среднего уха, и требовалась серьезная операция. Но где взять деньги? Мы жили в поселке Пышма Свердловской области, отец с матерью держали свое хозяйство, и чтобы добыть нужные средства, им пришлось продать корову, живность... Но старичок-профессор, сделавший операцию, денег не взял. И что вы думаете? Петь и говорить я начала одновременно.

- Едва ли не по Райкину...

- Только курить и выпивать так и не научилась (смеется). В детстве меня было не оста-

новить. «Феня, заткни ей глотку! Сил больше нет ее слушать!» - в ужасе кричали соседи, долбя в дощатую стену барака. «А вы попробуйте с ней сладить!» - обреченно разводила руками моя мама. Я росла неугомонным ребенком, да и сейчас такая же.

- В 14 лет вы были уже солисткой Прикамского народного хора, в этом же возрасте пошли работать. Не рановато ли?

- Мы в то время взрослели быстро. Мое отрочество прошло в Перми. Здесь я окончила 8 классов школы и, поскольку пела всегда и везде, решила попробовать в знаменитый хор.

(Продолжение на стр. 2)

Меня взяли, но жить-то на что-то надо было. Дело в том, что у нас рано умерли родители, и на моей шее оказались младшие сестры и брат. Их надо было выкормить, и я пошла уборщицей третьего кулуара в пермский Дворец культуры. Мне и возраста не много прибавили: детям тогда ведь работать запрещалось, с этим было строго. Так вот, вечером была артисткой - красилась, наряжалась, у меня и поклонники были, а утром надевала халат, брала резиновые перчатки, натягивала косынку на самые глаза (чтоб знакомые не узнали) и мыла полы и лестницы.

- Что, впрочем, не помешало вам через два года поступить в Государственный Волжский народный хор в Куйбышев...

- О, это целая история. Музыкальным руководителем хора был известный композитор Григорий Пономаренко, написавший к тому времени не один песенный шедевр для Людмилы Зыкиной и Ольги Воронец. Как я волновалась, когда шла к нему на прослушивание! А он, увидев меня, попросту влюбился, да так, что никакого сладу. Мне ничего не оставалось делать, как выйти за него замуж. Конечно, я была несказанно рада такой партии, к тому же и жилья у меня никакого не было. Это был удивительный композитор, я ему многим обязана как артистка. Он не только написал такие первые мои песни, как «Коля, Коля-Николаша», «Тополя», «Нарьян-Мар», и другие, но и вывел на сцену, пробудил индивидуальность. Однако в жизни этот человек оказался, к сожалению, очень жестким и ревнивым, и через какое-то время я от него, как бы это помягче сказать, сбежала.

- Вашим вторым мужем, говорят, был известный певец Михаил Котляр...

- Какой он мне был муж, просто коллега, напарник! Это очень тонкий, интеллигентный человек. Он был неплохим певцом (мы когда-то вместе выступали в концертах), потом стал режиссером. Миша великолепно знает не только эстраду, музыку, но и театр, балет, он смотрит на искусство широко, энциклопедически. Сегодняшние певцы, как правило, ничем, кроме своего творчества, не интересуются. Что и говорить, слова собственных песен порой забывают. Мы в свое время бегали на все театральные премьеры, концерты, ночами стояли за билетами, чтобы купить на галерку, подшевле. Зато были в курсе всех культурных событий. А сегодня интеллигентность, к сожалению, вырождается, у нас она понимается как умение много и цветисто говорить, красоваться на экранах и брюзжать. А интеллигентность ведь не от слова «телега», как иногда любят выразиться мой сын.

- Чувствуется, вас по-прежнему волнует ситуация, сложившаяся в шоу-бизнесе. Вы сказали как-то, что наша эстрада сегодня - в каменном веке...

- Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Русская песня, конечно, всегда будет мила нашему сердцу, душе, но когда я говорю о каменном веке моего любимого жанра, то имею в виду, естественно, не лиричность, мелодизм, искренность, чем мы всегда отличались, а аранжировку и прежде всего гологовую подачу. Я всегда много ездила по миру и знаю, как поют на Западе: записывают песни на три, пять, семь голосов, а какие диапазоны! Вам что, не нравится Селин Дион или Мэрайя Керри, Уитни Хьюстон, Барбра Стрейзанд? Я, например, всегда была поклонницей большого тенора.

- Но ведь у нас тоже когда-то были певцы с потрясающей вокальной техникой, но... Блистательную Гюли Чохели, например, постоянно одергивали, когда она пела джаз, и она вынуждена была эмигрировать...

- Россия, безусловно, никогда не была обделена одаренными певцами, но здесь кроме голоса и таланта важно иметь еще и характер. Чохели и некоторых других заперещали, и они уехали. А Дольна, которой тоже мешали петь джаз и лирику, осталась и стала одной из самых ярких звезд. Я не хочу оправдывать прежний режим, но должна сказать, что не уважаю людей, уехавших отсюда от непризнания. К тому же никакой карьеры на Западе они не сделали: так, перебирались кое-как с места на место. Конечно, у нас и сегодня есть кого послушать. Взять хотя бы Земфиру. Это личность, самородок. А как серьезно относится к творчеству: каждую песню по ноте выстраивает, музыку записывает в Лондоне. Это говорит о профессиональной зрелости. Я очень верю в молодых ищущих певцов. Поп-музыка должна развиваться, усложняться.

- Но вы заметили, Катя, что ваши новые, иногда довольно непростые композиции воспринимаются публикой гораздо прохладнее, чем старенькие хиты - «Тополя», «Гляжу в озера синие», «Молодушки-молодки», «Ночь»?

- Да, слушатель еще не очень готов к музыкальным новациям, что тут спорить, и когда я чувствую, что зал немножко приуныл, то непроизвольно захожусь: у меня всегда наготове букет из знакомых слушателю песен и частушек.

- То есть вы все та же?

- Ну а как же! Просто это мое от природы, это прет изнутри, а не какой-то просчитанный ход, как модно сейчас делать. Это сегодня у моло-

Звезды в моем понимании - это Уланова, Плисецкая, Ростропович, ну, на худой конец, Зыкина, Ульянов... А мы, эстрадная братия, какие мы звезды? По-моему, смешно так себя возвеличивать.

- Как вы думаете, ваша публика стареет или молодеет?

- Мне трудно сказать. Но у меня есть чувство, что в последние годы я стала даже популярнее, чем раньше. Заказы на мои выступления сыплются со всех сторон. Меня это, признаться, отчасти удивляет: казалось, все должно быть как раз наоборот, ведь и на телеэкране я не так часто появляюсь.

- А дети часто навещают?

ка, зависит только от него. Я всю жизнь активно дружила со спортом - занималась акробатикой, плаванием, ныряла с вышек, садилась на шпагат... У меня 1-й юношеский разряд по лыжам, 2-й - по бегу на коньках. Сегодня я поддерживаю форму активной концертной работой. Не зря говорят: сцена - лучший доктор.

- А смех, юмор разве не лечат?

- Для меня жизнь в прямом смысле игра, один большой аттракцион. И недоразумения, курьезы на этом пути случаются постоянно. Я собрала уже копилку этих историй - хватило бы на целую книгу.

- Тогда поделитесь!

- Ну вот, так сказать, из недавнего. Ехали мы в Луганск с программой. На границе с

раздвигающийся тяжелый занавес с острым люреком, вылетаю на площадку и... не могу открыть глаз. Он слезится, отзывается жуткой болью при свете софитов... А тут надо петь, улыбаться, изображать радость. Хорошо хоть тушь стойкая, не поплыла. Ситуация была пренеприятнейшая, и, чтобы публика ничего не заметила, я стала вихрем кружиться, вальсировать и, когда поворачивалась спиной к залу, успевала только промокнуть кулачком лившиеся градом слезы. Когда, отыграв номер, пришла за кулисы, глаз начал опухать... А потом была операция. Я несказанно благодарна хирургу-офтальмологу Таиру Баратовичу Визасу за возвращенное зрение.

Южной Америки до Австралии, от Скандинавии до Африки. А есть ли у вас заветные места на земном шаре?

- Обожаю Рио-де-Жанейро. Особенно величественнейший монумент Христа на горе, где человек ощущает себя мухой и отсюда виден весь город - каналы, заливы, острова, дома и, конечно, знаменитый пляж Капакабана. Люблю там немножко позагорать и искупаться - иногда даже с аквалангом. Сильнейшее впечатление в свое время произвел на меня и Ниагарский водопад. Приятно гулять по улицам Парижа - особенно перед Рождеством. По душе мне и швейцарский Люцерн - мостики, кафетерии, река... Повсюду ощущение теплоты, чистоты, уюта. Кто не был на Домбае, тоже рекомендую съездить - особенно в лыжный сезон. Замечательно хороши фешенебельные курорты Аргентины - вы не представляете, как я люблю белый песок у берега моря! Даже дом на Кипре я купила именно из-за белого песка.

- Там, наверное, райское место?

- Не то слово. Городок называется Айанапа - звучит, согласитесь, как песня. Красота невероятная. И всегда солнце, чудный морской воздух, благодать. Дело в том, что я терпеть не могу слякотное московское межсезонье, и этот сказочный остров для меня просто отдушина.

- Катя, но почему же вы всегда одна, без спутника жизни?

- (Засуетилась.) Ой, вы знаете, не люблю я эти разговоры о мужиках, кто, с кем... А те, кому это интересно, пусть судят, рядят, гадают. Кроме Григория Пономаренко в моей жизни был еще и талантливый музыкант, и даже преуспевающий бизнесмен из Германии...

- Что, опять сумасшедшая история?

- Почти (улыбается). Его звали Александр. С виду довольно простой парень, но имел в частной собственности (не падайте в обморок!) комплекс отелей, бассейны, поле для гольфа, что-то еще, а в мою честь открыл ресторан «Катюша».

- Браво, завидная партия!

- Да он просто посадил меня в золотую клетку. Я должна была быть украшением дома и ничего не делать. Мне было скучно. Ближе в Германии я так ни с кем и не сошлась: у них другие традиции, нравы, привычки. Им непонятно, как это можно прийти в гости просто так, без повода: нужны какие-то бесконечные церемонии, персональные приглашения за несколько дней. Когда я говорила своим соседям, что жду их сегодня вечером у себя - посидеть, перекусить, попить чаю, они смотрели на меня недоуменным взглядом. У них так не принято. Да и люди они привередливые. В общем, через 2,5 года сбежала я от своего мужа в Россию. Если бы не гастроли (которые я, естественно, не прекращала), я не прожила бы в Германии и месяца.

- Уже много лет рядом с вами не менее притягательная личность - талантливый композитор Виталий Окороков...

- Но у нас с ним только творческая дружба. Любопытно, что когда-то я его чуть не отвергла - за «Два кусочка колбаски». Я очень не любила этот глупый шлягер и на всех собраниях выступала против пошлости. Правда, я не знала автора этой злополучной песенки, и когда Виталий впервые пришел ко мне, чтобы предложить свои композиции, то спросила, какие у него есть известные работы. Когда он назвал «Два кусочка колбаски», я хотела отчитать его по первое число и выгнать вон. Но поскольку я уже впустила его в дом, делать это было попросту невежливо, и для приличия я все же разрешила ему помузицировать. И после первой же услышанной песни поняла, что была неправда: Окороков оказался очень даровитым композитором. А когда он заиграл: «Судьба, судьба, судьбушка, будь ласкова со мной!», то и вовсе стал моим - как говорится, с головы до пят. Если посчитать, я спела уже более 50 его вещей.

- Стало быть, можно жать и новых совместных работ?

- Не спешите. Ближе к концу года я планирую записать новый альбом, где будут, безусловно, и мелодии Окорокова. А недавно я выпустила диск со своими лучшими песнями, куда вошли «Гляжу в озера синие» и «Ой, мороз, мороз...», «Разлюли-малина» и «Ночь, ночь, ночь», «Похлодало» и «Молодушки-молодки», «Горлица и дятел» и «Старая дорога».

- Как поется в последних, «нет, не исчезла, не оскудела сила таланта родимой земли»...

- Верно. «И не погасли, и не сгорели русские храмы в дорожной пыли». Значит, надо жить и верить, что лучшие времена в России еще настанут.

Беседу вел
Сергей СОСЕДОВ

ЧАРОВНИЦА

дежи огромный выбор музыки. А знаете, что я пела в 13-14 лет? «Ой, мороз, мороз...», «Ушел милый, не вернется», «Ой, то не вечер»... Каждому поколению - свои песни.

- Каков сегодня ритм вашей жизни?

- У меня по-прежнему много гастролей и записей. Так что ритма не теряю. Вы не поверите, но отдыхаю я всего четыре часа в сутки, и, представьте, мне хватает. Правда, иногда наваливается такая усталость, что сплю целый день. Когда же выпадает свободная минутка, люблю не спеша полистать прессу, почитать книгу, поиграть в нарды и даже... заниматься английским языком.

- Неужто хотите записать какой-то модный альбом?

- Нет, конечно, петь по-английски я не собираюсь, это было бы чересчур (смеется). Но мне приходится ездить по всему миру, и я должна уметь грамотно изъясняться. Не могу сказать, что я в совершенстве овладела языком, но, безусловно, смогу перебраться парой фраз с иностранцем или, например, заказать обед в ресторане...

- Редко можно встретить такую требовательность к себе...

- А как иначе? Я всю жизнь постоянно чему-то учусь, иначе стану неинтересна ни публике, ни даже самой себе. Меня, кстати, всегда возмущает, когда нас называют звездами.

- А как же! Их у меня трое: Гриша, Элла и Жанна. Есть уже и внуки - Кристина и Настя, внучатые племянники...

- Элла, насколько я знаю, живет в Австралии...

- Нет, она сейчас здесь, в Москве. А в Австралии Элла около пяти лет работала менеджером по обслуживанию VIP-клиентов в одном из крупных банков, постигала западные стандарты рынка, этикета и вот недавно возвратилась. В свое время она окончила Московскую финансовую академию, сейчас заочно учится в австралийском институте ценных бумаг, пишет научные работы и сдает экзамены на звание магистра.

- А чем занимаются ваша вторая дочь и сын?

- Гриша по профессии закройщик-модельер, но шьет сейчас мало и занимается другими, видимо, более доходными делами. Я в них старюсь не вмешиваться. А Жанна окончила ординатуру третьего медицинского института, но в связи с тем, что зарплату у врачей сегодня мизерные, посидела-посидела и пошла заведующей салоном красоты. По специальности она врач-дерматолог.

- Иметь домашнего врача такого профиля, наверное, ваша давняя мечта?

- Да нет. Думаю, мне и к чему как-то искусственно омоложиваться, хотя красивой, конечно, хочется выглядеть всегда. Кто-то из мудрых сказал: человеку от рождения дается полное ведро, а сколько ему удастся не расплес-

Украиной поезд остановился, и по вагону пошла таможня. А я только-только концертные платья на плечики в купе развесила. Господи, думаю, опять сейчас сумки наизнанку выворачивать будут! Но, к моему удивлению, таможенник, едва открыв дверь, даже шага не ступил: «Елки-палки, опять цыгане едут!» - а знаете, что я услышала о себе, отдыхая как-то в Арабских Эмиратах? Купаюсь в море, вдруг подплывает какая-то дама: «Вы так похожи на нашу певицу Катю Шаврину, ну просто копия!» - «Кто же это такая?» - спрашиваю. «Ой, да неужели не знаете? Это известная артистка, вы ее много раз слышали!» В общем, я не знала, куда глаза спрятать. Думала, хоть в Эмиратах отдохну без грима, никто меня не узнает, а вот поди ж ты... Эта туристка оказалась из Магнитогорска, она и за ужином все твердила: «Ну как же вы похожи на Шаврину, особенно зубами! Правда, та красивая, высокая». И тут я с горечью вздохнула: какая же я страхолюдина, если на Шаврину только зубами похожа.

- Да, профессия артиста чревата неожиданностями...

- Бывали, однако, и совсем не смешные случаи. Шел сборный концерт в зале «Россия». Я должна была выступать через три номера, и вдруг в нарушение очередности меня немедленно вызывают на сцену. Пошла фонограмма. Я опрометью мчусь через кулисы и со всего маху (вот угораздило!) врезаюсь в

закатывал в вашу честь банкеты и, стоя на коленях, давал автографы, целовал руки?

- Да, это очень давняя история. Мы были на Кубе в творческом составе советской делегации, давали концерт. Кастро всегда любил наших артистов, русские народные песни, а о широте его натуры всегда ходили легенды. Очень яркий, волевой человек. Впрочем, держался он всегда в рамках, поэтому чего-то уж, как сейчас говорят, экстраординарного рассказать о нем не могу.

- А что за тайная история произошла с вами лет пятнадцать назад в Африке?

- О, это почти из области детективов! Я была в большом африканском туре, и прямо во время выступления в меня безумно влюбился один шейх. Ну так влюбился, что никакого сладу: устраивал пышные приемы в мою честь, наливал жемчужные ванны... И затребовал меня в свой гарем. Ему отвечали, что я советская певица, у меня много деловых встреч, поездок, а он - ни в какую: хочу, говорит, Катрин (так он меня называл), и все. А у нас тогда не принято было портить отношения со странами «третьего мира», поэтому отшить этого шейха в открытую мы не могли. Тогда сотрудникам КГБ пришлось тайно отправить меня раньше всей группы в следующий пункт нашего тура - Замбию.

- Лихо! Вы обездили весь мир - от Северной и